

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ**

**Чему учили детей
в дореволюционной
сельской школе**

Сергей Рачинский

Продолжаем знакомить вас с заметками русского педагога-мыслителя XIX века о содержании обучения в сельской школе.

Посторонних посетителей, изредка заглядывающих в мою школу, всего более поражает умственный счёт её учеников. Та быстрота и лёгкость, с которой они производят в уме умножение и деление, обращаются с мерами квадратными и кубическими, соображают данные сложной задачи, то радостное оживление, с которым они предаются этой умственной гимнастике, наводят на мысль, что в этой школе употребляются особые, усовершенствованные приёмы для преподавания арифметики, что я обладаю в этом отношении каким-то особым искусством или секретом.

Ничто не может быть ошибочнее этого впечатления. Конечно, **теперь** я владею некоторым навыком к умственному счёту, могу импровизировать арифметические задачи в том быстром темпе, в котором они решаются моими учениками. Но до этих скромных умений довели меня или, лучше сказать, домучили сами ученики.

Именно домучили. Никогда не занимался я специально арифметикой, упражняться в умственном счёте никогда и не думал. Принялся я за преподавание счёта в сельской школе, не подозревая, на что я иду.

Не успел я приступить к упражнениям в умственном счёте, которые до тех пор в школе не практиковались, как в ней к ним развилась настоящая страсть, не ослабевающая до сих пор. С раннего утра и до позднего вечера стали меня преследовать то одна группа учеников, то другая, то все вместе с требованием умственных задач. Считаю эти упражнения полезными, я отдал себя в их распоряжение. Очень скоро оказалось, что они опережают меня, что мне нужно готовиться, самому упражняться. На пятом десятке некоторые умственные способности утрачивают свою эластичность. Эта первая зима была для меня очень тяжела.

К этому вскоре присоединилась страсть к письменным упражнениям в счёте. Ребята вздумали щеголять друг перед другом быстрым и точным умножением и делением на доске многозначных чисел, не поддающихся умственному счёту. Тут я совершенно стал в тупик. Эти припадки обыкновенно случались вечером. Наши вечерние занятия, теперь всё более и более принимающие характер правильных уроков, тогда были гораздо свободнее, да и теперь во избежание утомления часто приходится нарушать их однообразный строй. Вечером же происходили и спевки, в которых участвовали все мои помощники, все лучшие ученики. Я оставался один с непоющими учениками. Этого только и ждали мои мучители. Разом все они, человек тридцать, сорок, накидывались на меня с дощечками: «Сергей Александрович, деленьце!» — «Мне на сотни!» — «Мне на единицы!» —

«Мне на миллионы!» — «Мне на тысячи!» И решения подавались с такой быстротой, что я едва успевал писать задачи. Проверять — никакой физической возможности!

Тут однажды, в минуту отчаяния, я бессознательно тиснул у себя в мозгу какую-то неведомую мне пружинку, и все деления стали выходить без остатка.

Восторгу ребят не было границ. Но увы! На следующий вечер они потребовали от меня того же, и я не мог исполнить их желания. Лишь впоследствии малопомалу выяснил я себе то простое сочетание мнемонических приёмов с быстрым умственным умножением, которое даёт возможность придумывать безостановочно бесконечный ряд десяти- и двенадцатизначных чисел, делимых без остатка на любые другие числа, и вместе с тем бесконечный простор для импровизации задач, устных и письменных.

Эта беспрестанная усиленная возня с цифрами нагнала на меня настоящий арифметический кошмар, загнала меня в теорию чисел, заставила меня неоднократно открывать Америку, т. е. неизвестные мне теоремы Ферма и Эйлера ...

Часто задавал я себе вопрос, какими основными способностями обуславливается та необыкновенная ловкость в обращении с числами, тот живой интерес к цифрам и к сочетаниям, которыми отличаются наши крестьянские ребята. Нет сомнения, что тут значительную роль играет их удивительная память. Но кроме памяти тут очевидно участвуют и другие способности: воображение, живо рисующее перед ними

состав чисел из первоначальных множителей и их сочетания, способность связывать внешний вид цифры с этим составом.

Почти всегда у хороших счётчиков оказывается и художественная струнка. Этому обстоятельству, впрочем, особого значения придавать нельзя. Крестьянские дети тем и отличаются от детей высших сословий, что односторонние способности встречаются у них весьма редко. Тот из них, который способен к пению, непременно окажется способным и по арифметике, и по русскому языку, и наоборот, мальчики, умственно слабые, редко имеют какие-либо художественные способности и склонности. Эта соразмерность дарования распространяется даже на сферу нравственную и придаёт этим детям их особенную привлекательность.

Говоря тут о преподавании арифметики в сельской школе, ограничиваюсь беглыми указаниями на мои наблюдения и впечатления. Подробные рассуждения о методике этого предмета были бы неуместны на этих страницах... Но считаю возможным связать с вышесказанным два замечания, имеющие практическую важность.

Первое касается того приступа к преподаванию арифметики, который получил у нас права гражданства. Основан он на долговременном и всестороннем изучении чисел первого десятка, за которым следует столь же кропотливое изучение чисел первой сотни. Нередко приходилось мне наблюдать любопытный факт, что крестьянские дети, не умеющие **называть** числа далее двадцати, подчас имеют

ясное **представление** о числах доста и далее. Поддерживать с такими детьми фикцию, что далее десяти чисел нет или что они им неизвестны, совершенно непрактично. Разумеется, им по большей части совершенно прозрачен лишь первый десяток, и состав чисел первой сотни должен быть им разъяснён рядом упражнений.

Но в этих упражнениях нужно избегать педантической медленности, постоянно ощупывать дорогу вперёд, имея в виду необыкновенную восприимчивость количественного созерцания в наших крестьянских ребятах. Притом нет никакой причины скрывать от них в течение всего первого года существования тысяч, десятков и сотен тысяч — бесконечную перспективу чисел, группирующихся по системе, уже известной им по копейкам, гривенникам и рублям. Конечно, нужно избегать упражнений, превышающих силы учащихся, сообщения таких математических истин, которые могут быть восприняты только их памятью. Свойствам чисел первой сотни нет конца. Если бы мы вздумали их исчерпать прежде, чем двинуться далее, мы бы никогда не дошли до второй.

Другое замечание, более общего свойства, сводится к тому, что ничтожные знания, приобретаемые в сельской школе, только и получают некоторую цену, если сопряжены с соответствующими умениями. В области арифметики — разумею тут быстрый и верный счёт, умственный и письменный — этих умений инстинктивно добиваются сами ученики, и обязанность учителя — всячески помогать их приобретению.

Для успеха дела, разумеется, нужно, чтобы учитель сельской школы владел приёмами умственного счёта и имел к нему порядочный навык. К сожалению, знакомство с этими приёмами, этот навык у наших учителей встречается редко. Особенно слабы в этом отношении те, которые прошли через учительские семинарии. Практическое знакомство с цифрами, как и с формами русского языка, необходимо учителю для того, чтобы придать некоторое оживление неизбежным внеклассным занятиям.

И это опять приводит нас к истинной оценке того громадного преимущества, которое даёт русской школе одна из самых затруднительных, по-видимому, её особенностей — **постоянное** присутствие в ней учеников. Эта особенность, конечно, отчасти обуславливается причинами чисто внешними: невозможностью для детей уходить домой между классами. Но только отчасти. Везде, где есть внимательный учитель, ученики, живущие в двух шагах от школы, точно так же проводят в ней всю свою жизнь. Это соответствует и собственному их инстинкту, и совершенно сознательному желанию их родителей. Эти родители отлично понимают, что при кратких сроках учения, которыми пользуются их дети, для достижения какого-либо успеха нужно пользоваться каждой минутой. Требовательность как учеников, так и родителей относительно учителей не знает границ. Им не приходит в голову, чтобы в учебное время учитель мог подумать об отдыхе.

И они тысячу раз правы!

Вот почему я твёрдо верю в будущность этой бедной, тем-

ной, едва возникающей сельской школы, оцупью создаваемой на наших глазах безграмотным народом. Ибо — не нужно обольщаться — всё, что в ней есть живого, доброго, внесено в неё не нашими просвещёнными стараниями, не мерами правительства, но здравым смыслом и нравственным строем этого безграмотного народа.

О, если б в наших образованных классах замечалась хоть тень этого прямого, бескорыстного, духовного отношения к делу, хоть тень этой истинной веры в пользу истинного просвещения! С какой радостью сказал бы я без ограничений, что верю в будущность русской школы.

Из всех сторон нашей школьной практики ни одна, быть может, не даёт поводов к стольким недоразумениям, как преподавание закона божия в сельской школе. Коснусь лишь одного из них, потому что оно затрагивает самую сущность дела и разъяснение его необходимо.

В течение последних годов и в литературе, и в сферах земских и правительственных неоднократно был поднимаем вопрос о предоставлении лицам светским права преподавания закона божия в сельских училищах. В пользу такого расширения прав сельского учителя приводились и приводятся самые веские аргументы: необходимость обеспечить в сельских школах правильное преподавание этого важного предмета; существование школ в таких местностях, где по отдалённости церковью трудно или невозможно пользоваться преподаванием священника; слишком частый отказ священников

от законоучительства там, где этих препятствий не существует; совершенная возможность для благочестивого человека, обладающего самым скромным образованием, успешно сообщать крестьянским детям те элементарные сведения, которые требуются существующими программами по закону божию; то возвышение авторитета учителя в глазах учеников и их родителей, которое простекло бы из поручения ему столь святого и жизненного дела.

Однако не следует забывать, что та элементарная программа, которая утверждена Святым Синодом для преподавания закона божия в сельских училищах, представляет собой лишь *mini-mum* того, что должно быть сообщено их ученикам. Она рассчитана на нормальный школьный возраст (до 13, 14 лет), и поэтому из нее благоразумно устранено всё, что превышает понимание детей этого возраста. Но в наших сельских школах рядом с малыми детьми беспрестанно обучаются отроки 16, 17 лет. Это ученики, попавшие в школу поздно, на тринадцатом, четырнадцатом году, и таких учеников в наших сельских школах ещё долго будет много, ибо сознание необходимости учения всё более распространяется от семьи к семье, от деревни к деревне и особенно сильно проявляется в подрастающем поколении. Многие крестьянские мальчики попадают в школу лишь после нескольких лет неотступных просьб. Эти старшие (и лучшие) ученики сельских школ почти всегда отличаются особым интересом ко всему, что касается веры и церкви. Их любознательность переходит и на вопросы догматические, особенно в тех ме-

стностях, где к населению примешаны элементы раскольничьи и иноверческие. Законоучитель беспрестанно бывает вынужден в своих беседах с учениками выходить из тесных рамок обязательной программы. Он должен обладать таким подробным и точным знакомством с богослужением нашей церкви, которого невозможно требовать от светского учителя. Он должен иметь и догматические познания, достаточно ясные и полные, чтобы не затрудняться ответом на неожиданные вопросы самого серьёзного свойства. И этих познаний нет и не может быть у огромного большинства наших сельских учителей. Это обстоятельство не может скрываться от старших учеников в тех случаях, когда эти учителя берут на себя преподавание закона божия, и, конечно, не может способствовать возвышению авторитета учителя в глазах учащихся.

Священник, достойный своего звания (и с этим согласится не только человек верующий, но и всякий беспристрастный наблюдатель), преподаёт закон божий успешнее, т.е. лучше преподавателя светского, не только в силу более обширного знания, но и в силу того, что он священник.

Прошу сельских читателей (для них пишутся эти заметки) обратить внимание на эти соображения. Прошу об этом священников, учителей, попечителей сельских школ, всех тех, которые имеют с этими школами непосредственное соприкосновение. От них, а не от правительства, не от земств зависит исцеление тех недугов, которыми страдает сельская школа, естественным путём труда и внимания, а не путём опасных экспериментов...

Русским языком, арифметикой (целых чисел), законом божьим исчерпывается обязательная программа наших сельских школ (так называемых одноклассных училищ). В двухклассных министерских училищах к этим предметам преподавания присоединяются арифметика дробных чисел, геометрия, черчение, элементы геодезии, география, русская история, естественные науки, пение и гимнастика и изучение какого-либо ремесла. На усвоение всех этих добавочных предметов полагается два года.

Желательно ли ввести преподавание всех этих предметов или некоторых из них, или каких-либо иных во все наши сельские школы? Возможно ли и в какой мере расширение их программы? Эти вопросы очень важны, не для всех ясны и вызывают самые разноречивые ответы.

О том, что желательно увеличить сумму действительных знаний, сообщаемых всякой школой, к какому бы она ни относилась разряду, кажется, не может быть и спора; о той степени опасности, которую представляет расширение программы без соответствующего улучшения и усиления учащего персонала, без достаточного удлинения учебного времени, мнения, по-видимому, разделены гораздо более. Наконец, вопрос о том, в каком порядке должно совершаться расширение учебной программы наших сельских школ, к чему можно приступить немедленно, что до времени следует отложить, решается способами, разнообразными донельзя.

Следует выяснить себе, в каком порядке, в какой постепенности могут быть введены в на-

шу сельскую школу те предметы преподавания, которые желательно присоединить к её программе.

На первом плане тут стоит церковное пение и потому, что ни один предмет преподавания не дополняет столь удачно нашей скудной школьной программы, ни один не возбуждает к школе столько сочувствия в сельских жителях всех степеней образования, и потому, что при сведущем и даровитом учителе он не требует усиления учащего персонала. Поэтому о желательности распространения пения в сельских школах, кажется, нет и спора.

Затем самым желательным и полезным шагом к расширению программы нашей сельской школы представляется введение в неё арифметики дробных чисел и элементарной геометрии. И то и другое ещё не выходит из пределов возможного при одном усердном и дельном учителе и при четырёхлетнем курсе. Разумеется, в таком случае учителю нужно оставлять учеников по два года в одной группе (второй). Геометрия — именно первый новый предмет, который надлежит ввести в нашу сельскую школу, потому что он один даёт нам средства к дальнейшему расширению её программы, к введению в неё географии, без которой невозможно преподавание истории, потому что он имеет множество применений (в техническом рисовании, геодезии, во всех строительных и художественных ремёслах); потому, наконец, что он приводит в действие такие умственные способности ребёнка, которых не затрагивают прочие его занятия в школе. На этот предмет должно быть обращено

особенное внимание наших учительских семинарий. Для того чтобы принести пользу, преподавание геометрии должно быть тщательно и серьёзно обставлено обильными упражнениями в решении задач и черчении. То поверхностное преподавание геометрии, которое ныне практикуется в двухклассных училищах, есть чистая потеря времени.

Идти далее, при одном учителе, немислимо. Поэтому столь желательное введение в программу сельских школ географии и отечественной истории пока возможно лишь в тех исключительных случаях, когда школа обладает значительными денежными средствами. Притом нужно заметить, что преподавание русской истории в сельской школе есть дело величайшей трудности. Оно требует от преподавателя точных и обильных сведений по этому предмету. Оно должно быть подробно и живо. Необходимый скелет (хронологический, географический, генеалогический) должен быть прочно усвоен детьми и одет плотью и кровью. Не должно забывать, что крестьянские дети лишены всех тех **иллюстраций**, которые для детей высших сословий оживляют школьный остов истории и которые приносит им сама жизнь — в литературе, в театре, в произведениях искусств, в разговорах старших, в лицезрении памятников старины. Всё это должно быть заменено учителем и теми немногими книгами, которые соединяют живое, понятное изложение с дельным содержанием. Другое затруднение заключается в том, что взгляды наших историков на значение самых основных моментов русской истории расходятся

почти диаметрально и что это разногласие отражается и в нашей популярной и детской литературе. В этом хаосе трудно разобраться не только ученикам сельской школы, но и их учителю.

Что касается до введения в программы сельских школ преподавания естественных наук, то толки о нём кажутся мне основанными на странном недоразумении. Единственный разумный приступ к преподаванию наук естественных (в тесном смысле этого слова) — наглядное ознакомление детей с местной флорой и фауной — совершенно немислим в нашей сельской школе, в которой учебный период обусловливается периодом покоя органической природы. То же, что может быть сообщено в наших сельских школах путём устным и книжным, не имеет ни малейшего значения, ни воспитательного, ни практического, и обречено на неизбежное забвение. Единственный отдел наук физических, который мог бы с пользой быть введён в их программу при условиях исключительно благоприятных, есть экспериментальная физика, — разумеется, вслед за геометрией.

Вообще можно сказать смело, что при нынешнем зачаточном и крайне неравномерном развитии нашей сельской школы общие меры, направленные к расширению её программы введением новых предметов преподавания, вовсе нежелательны. Желательны усиление и правильная постановка тех предметов, которые уже ныне преподаются, и умножение школ элементарной грамотности. Но тем с большей внимательностью должны отдельные местности, поставленные в особенно благоприятные условия, единичные школы,

обладающие исключительными денежными средствами и учебными силами, пользоваться всякой возможностью расширить свои учебные программы, неизменно держа правила вводить лишь то, что по силам наличному учебному персоналу, что может уложиться в местные сроки учебного времени. Такие местные попытки, такие образцы действительного осуществления желательных расширений элементарного образования несравненно сильнее подвинут дело силой примера, указаниями на практические его трудности и способы их победить, чем всякие общие мероприятия, обречённые в большинстве случаев на существование бумажное, призрачное, на роли благовидной ширмы, закрывающей от нас печальную действительность.

Я говорил до сих пор лишь о желательном расширении общеобразовательного курса наших сельских школ, насколько оно возможно. Но есть расширение иного рода, которое необходимо и на которое, слава Богу, у нас начинают обращать серьёзное внимание.

Говорю о распространении у нас, путём сельской школы, сведений и умений технических, оснований школ ремесленных, земледельческих, доступных нашим крестьянским детям. Поднятие кустарной промышленности там, где она существует, введение новых отраслей труда в тех местностях, которые представляют для них благоприятную почву, были бы великими неопределёнными благодеяниями.

Основной, повсеместный промысел нашего сельского люда, наиболее нуждающийся в поднятии, наиболее страдающий

от недостатка положительных знаний и умений у кормящихся им, есть земледелие. Нам прежде всего нужны крестьянские земледельческие школы. Их нужно нам много, по крайней мере, по одной на уезд. Эти школы должны представлять самостоятельные образцовые хозяйства, владеть угодьями, совершенно достаточными для обеспечения действительной доходности, по возможности и лесными дачами, на которых мог бы быть подан пример правильного лесного хозяйства. При таких школах необходимо обучение тем мастерствам, которые имеют прямое отношение к земледелию (плотничьему, столярному, кузнечному, слесарному, гончарному). Ремесленники по этим частям необходимы везде, и их отсутствие составляет один из главных тормозов в развитии нашего сельского хозяйства, наряду с отсутствием рабочих, умеющих обращаться с усовершенствованными земледельческими орудиями. С земледельческой школой должна быть соединена мастерская для изготовления прочных и возможно дешёвых сельскохозяйственных орудий более совершенного устройства, чем ныне употребляемые. Такая мастерская сделалась бы для школы значительным источником дохода и рассадником сельских мастеров по этой части, в которых ощущается крайняя нужда. Вслед за этими школами, разумеется, должны быть основаны и школы чисто ремесленные, соответствующие потребностям данных местностей. Тут кончается роль сельских обществ всех наименований, слишком слабых и бедных для такой задачи, и начинается роль земств

при содействии отдельных личностей щедрыми пожертвованиями деньгами и землёй.

Всего удобнее принимать в школы земледельческие и ремесленные мальчиков, окончивших курс в начальных училищах, и эти профессиональные школы прежде всего следовало бы заводить в тех местностях, которые обладают сплошными группами училищ элементарных. При этом условия новые училища быстро наполнялись бы учащимися и в свою очередь дали бы сильный толчок размножению сельских школ грамотности, предоставляя их ученикам преимущество первостепенной важности.

Что даёт эта школа своим ученикам? Чем отражается учение на их последующей жизни, материальной и нравственной? При решении этих вопросов можем принимать в соображение лишь школы хорошие. Результаты учения в школах плохих могут сводиться к нулю, и такие школы имеют значение лишь постольку, поскольку легче улучшить школу существующую, чем основать новую.

Итак, присмотримся к заурядному ученику школы хорошей.

Прежде всего, он отличается от своих безграмотных односельчан более правильной русской речью. Отличие это немаловажно. С ним сопряжено более точное понимание речи образованных классов, речи письменной, литературной. Это приобретение в бесчисленных случаях обыденной жизни приносит ему практическую пользу. Оно не оценённо как средство к дальнейшему расширению его умственного кругозора. Во-вторых, он приобрёл

способность писать письма и при должном указании те деловые бумаги, которые бывает нужно писать в крестьянском быту. В-третьих, он приобрёл способность читать для своей забавы, для своего поучения и назидания, и эта способность приносит пользу не только ему, но и окружающему его безграмотному люду. Грамотных парней зимой по деревням много заставляют читать вслух, на посиделках, во время долгих ночных работ. Наконец, и это всего важнее, то искреннее благочестие, тот интерес к вопросам веры и духа, который вынесли из дома и внесли в сельскую школу её ученики, в ней становятся сознательнее и глубже, становятся могучими будильниками ума и впоследствии поддерживают те навыки и знания, которые приобретены ими в школе. Духовная жажда становится для них главным побуждением не только к чтению, но и к писанию, находящему в их быту так мало постоянных практических приложений. В свободные минуты они с величайшей охотой переписывают молитвы, духовные стихотворения, отрывки церковно-назидательного содержания. Понимание церковнославянского языка, знакомство с богослужением, способность участвовать в нём пением или чтением привязывают их к церкви. Крестьянина, прошедшего через школу, в которой отведено должное место церковному элементу, не легко совратить в раскол. В материальном отношении школьная грамотность приобретает особенную важность для тех крестьян, которые ищут занятий в городах, а также для поступающих в военную службу.